

Основные этапы «ландмилицкой реформы» 1710–1730-х годов

История ландмилиционных формирований в России долгое время не привлекала специального внимания исследователей, ограничивавшихся общей характеристикой отдельных ее эпизодов в трудах по военной истории. Недостаток отчасти восполнила появившаяся недавно статья В.В. Пенского, содержащая общий очерк истории российской ландмилиции в XVIII в.¹ Но, будучи построена преимущественно на опубликованных источниках, она не всегда дает ясную картину мотивов и этапов формирования ландмилиции. Так, например, В.В. Пенской, пожалуй, несколько преувеличивает инициативную роль Миниха в ландмилицких преобразованиях. Кроме того, поле зрения автора ограничивается только Украинским ландмилицким корпусом и не охватывает ландмилицких частей, создававшихся одновременно на других окраинах России; он не анализирует подробно социальные и финансовые основы «ландмилицкой реформы» 1720–1730-х гг. и не всегда учитывает общий контекст внутривосточной ситуации, вызвавшей ее к жизни, а также связь реформы с другими мероприятиями по обороне границ. Эти проблемы частично проанализированы в соответствующих разделах нашей монографии², однако обращение к ряду новых документов позволяет нам существенно уточнить предысторию и ход ландмилицкой реформы 1720–1730-х гг.

Источниковой базой статьи, помимо традиционного комплекса указов, вошедших в ПСЗ, являются архивные документы – прежде всего дела Сената и Кабинета министров Анны Иоанновны по Военной коллегии и управлению окраинами, содержащие проекты и черновые материалы ландмилицкой реформы, отложенные главным образом в РГАДА в фонде Сената (ф. 248, куда была передана и основная часть делопроизводства Кабинета министров).

* * *

Россия и после петровских реформ затрачивала огромные усилия на охрану своих рубежей.

К концу 1730-х гг. по границам были сосредоточены 54 гарнизонных и 24 ландмилицких полка общей численностью 94 525 чел.³, то есть почти 40% русской регулярной армии, и большая их часть (за исключением 20 остзейских гарнизонных полков и нескольких внутренних гарнизонных) занималась обороной южных степных рубежей. Помимо этого, вдоль границ Сибири были рассредоточены 9495 сибирских служилых людей⁴; охранной службой занимались значительные контингенты украинского гетманского и слободского, и также донского и яицкого казачества – следовательно, к пограничной службе ежегодно привлекалось не менее 110–120 тыс. человек (а если учесть использование в тех же целях полевых полков регулярной армии – и еще более значительное количество). Кроме того, к концу 1730-х гг. на южных степных рубежах были сосредоточены 12 пехотных полков, выведенных из Персии по Гянджинскому договору 1735 г. Пограничную службу несли и отдельные части (драгунские гарнизонные полки, созданные для нужд Оренбургской экспедиции и Сибирской губернии, полк смоленской шляхты, Рославльский эскадрон и Бахмутский батальон, охранявший местные соляные промыслы). С их содержанием (даже без учета выплат на командиремую из полевой армии кавалерию и на нерегулярные войска, представленные прежде всего казачеством) общая сумма ежегодных затрат на охрану границ составляла 1 748 757 р. – 38,7% расходов на содержание регулярной армии⁵ или 19,9% (*пятую* часть) госбюджета России.

Правда, к началу 1730-х гг. расходы были несколько ниже (число ландмилицких полков было незначительно, Низовой корпус⁶ еще находился в Персии), но правительство тем не менее было серьезно обеспокоено проблемой охраны южных рубежей.

Ликвидация традиционных военно-служилых формирований пограничного населения в ходе податной и военной реформ Петра I (перевод однодворцев в разряд государственных крестьян и лишение их податных привилегий в 1710–1722 гг.) была неоднозначным решением. Регулярная армия не могла полностью компенсировать утрату этой многочисленной военно-служилой группировки, к тому же охрану границы вынуждены были нести теперь не только гарнизонные части, но и 10 полков полевой армии, объединенные в Украинский корпус, прикрывавший Гетманскую и Слободскую Украины и Белгородчину⁷. Кроме того, еще 10 драгунских полков охраняли в 1726–1729 гг. Царицынскую линию и башкирские границы в пределах Старо-Закамской линии на Черемшанских форпостах⁸.

Проблемы отвлечения регулярной армии на охрану границ уже в 1731 г. заботили Миниха. Он предлагал сократить число полков, несущих сторожевую службу на форпостах по границе с 19 полков и 4-х рот до 17-ти⁹ – что не удивительно, ибо крупное соединение полевой регулярной армии (фактически *более половины* всей армейской кавалерии, состоявшей из 33 полков) было привязано к пограничной службе и, вероятно, лишь частично могло быть использовано на других театрах военных действий.

* * *

Поэтому российское правительство еще со времен Петра I вынуждено было частично возвратиться к прежним принципам обороны границ силами местного населения.

Но новые пограничные контингенты создавались теперь с использованием европейского (шведского и австрийского) опыта в форме ландмилиционных частей – регулярных и полурегулярных военных формирований из местного населения, обеспечиваемых в значительной степени земельным жалованием.

Именно эти идеи и легли в конце концов в основу ландмилицкой реформы 1720–1730-х гг. Предыстория и ход этой реформы насчитывают по меньшей мере пять основных этапов. Мы остановимся здесь преимущественно на первых этапах ландмилицкой реформы, менее всего известных.

* * *

Первый этап отмечен возникновением самой идеи ландмилиционных формирований и первыми попытками создания ландмилицких частей в России. Он, вероятно, был связан с завершением в первые годы после Полтавы первой армейской реформы Петра I принятием штата сухопутной регулярной армии («табели 1711 г.»), что могло обратить внимание правительства и на проблемы общей структуры вооруженных сил.

Традиционно считается, что первые ландмилицкие части попытались сформировать в 1713 г. на юге России¹⁰. Но в источниках есть сведения о первых опытах создания ландмилиционных формирований («...земляного войска по примеру прочих государств...»¹¹) в Петербургской губернии еще в 1711–1712 гг. Предназначались они для охраны северо-западных границ, и уже в 1711–1712 гг. в тверских и ярославских землях производился набор в них¹². Так, ярославский обер-комендант в январе 1713 г., перечисляя «людские службы» подведомственной ему территории, отмечал, что в дополнение к 6,6 тыс. работников, мобилизованных в основном на строительство Петербурга и к проводке в него с Волги построенных там тялок (грузовых морских судов), «...сверх тех нарядов ныне собрано с дворового числа в ландмилиции с 10 дворов по человеку; в рекруты с 23-х – 2124...»¹³. Следовательно, ландмилицкий набор оказался даже вдвое тяжелее рекрутского. Но, вероятнее всего, эти ландмилицкие части на северо-западе России сформированы не были (люди, скорее всего, пошли на укомплектование полевых полков в начинавшейся в 1713 г. первой серьезной финляндской кампании), и дальнейшая история ландмилиции была связана преимущественно с южными степными рубежами России, а ее этапы определялись прежде всего кризисами, периодически назревавшими в отношениях России с Турцией.

Как известно, 31 октября 1712 г. Османская империя вновь объявила войну России, и хотя серьезные боевые действия не велись, мир был заключен лишь 13 июня 1713 г.¹⁴ Кризисная военная обстановка и послужила основным побудительным мотивом к решению о создании ландмилицких частей теперь уже на юге России. Сама же попытка их формирования, скорее всего, была инициирована именно первыми наборами ландмилиции на северных рубежах. На нее мог повлиять и известный проект Ф.С. Салтыкова, рассмотренный Петром в январе 1713 г. и содержавший специальный раздел о ландмилиции¹⁵, но сама идея «ландмилицкой реформы» была сформулирована Петром еще раньше, в его письме Сенату «из Гунденбою» от 29 декабря 1712 г., где он прямо мотивировал создание ландмилиции задачами возможной оборонительной кампании 1713 г. против Турции: «...также надобно стараться, дабы на Украине для нынешней войны собрать ланд-милиц тысяч 6, а буде возможно и больше, тысяч десять, и оных посадить в Украинских гарнизонах, а старых солдат из гарнизонов вывести к фельдмаршалу Шереметеву в прибавку к его корпусу. И для обучения тех новых солдат употребить тех офицеров, которые здесь остались от скованных полков и отпущены к Москве, а деньги на них употребить хотя из соляного сбора, ибо *сии полки на время будут*»¹⁶.

В результате появился указ 2 февраля 1713 г. о формировании пяти ландмилицких полков в Киевской губернии¹⁷.

Таким образом, на первом этапе реформы ландмилицкие формирования создавались как временные соединения, порожденные в первую очередь «турецким кризисом», что и предопределило их будущую судьбу.

* * *

Набор в эти первые реально созданные ландмилицкие полки проводился зимой – весной 1713 г. в Киевской и Азовской губерниях (т.е. фактические на Белгородчине и в воронежско-тамбовском Черноземье, и уже тогда – из будущих «украинских однодворцев», т.е. русских служилых людей «старых служб») (см. таблицу¹⁸):

	дворов	в них мужеска полу людей	людей от 15 до 30 лет
в Киевской губ-ии			
1. драгунских и солдатских	9293	26447	5844
2. стрелецких и казачьих	2480	6459	1301
3. пушкарских	918	2311	536
4. отставных служилых людей	3294	9413	1685
итого	15985	44630	9366
в Азовской губ-ии			
1. драгунских и солдатских	7888	22374	4770
2. стрелецких, казачьих и станичниковых	5878	18814	4392
3. пушкарских, воротниковых и казенных кузнецов	407	1221	297
4. пришлых служилых людей		839	222
итого	14173	43248	9681
всего в Киевской и Азовской губ-ях	30158	87878	19047

Из этих социальных категорий планировалось взять в ландмилицию по 5 тыс. чел. из каждой губернии, но первые итоги набора, определившиеся к 6 мая 1713 г., показывали, что он идет непросто: «Киевской губернии в ланд-мелис из указных чинов выбрано и на станциях в готовности 1000 чел., а достальных набирают с великим трудом, понеже многие от набора бегут, покиняя дома свои, а бездворные в Донские и Черкасские города, и таких велено на заставах ловить...»; в Азовской губернии было собрано менее половины – 2205 чел., еще не высланных к началу мая на южные границы¹⁹. Ландмилицкие части создавались на базе расформировываемых по штату 1711 г. пяти полурегулярных солдатских полков (Воронцова, Булартова, Григорова, Жданова и Постельникова), в которых на апрель 1713 г. еще числилось 3415 чел.²⁰; их планировалось ввести в гарнизоны городов по южным границам (в Киево-Печерскую крепость – 5000, в Полтаву – 2000, в Чернигов, Нежин, Переяславль по 1000, в Белгород, Курск и Старый Оскол по 1000), в связи с чем общее количество ландмилиционеров увеличилось до 11 тыс. чел., и в мае 1713 г. было решено провести дополнительный набор еще 658 чел. в тех же двух губерниях²¹. Несмотря

Нижние чины ландмилиции. 1736–1742 гг.

ско-турецких отношениях, вызванным Персидским походом Петра, чуть было не приведшим к войне и потребовавшим срочных мероприятий по укреплению южных границ. Не исключено, что в этой обстановке были прямо реанимированы прежние идеи 1713 г., и указом 4 апреля 1723 г. Петр I предписал перейти к созданию первых шести ландмилицких полков²⁴, более дешевых, чем регулярные полевые части. Сил регулярной армии оказалось недостаточно для обороны степных рубежей, и Петр вынужден был вернуться к военным службам приграничного населения, но уже в новой, «европейской» форме. Любопытно, что тогда же, в 1723 г., Петр I принял решение о формировании нескольких сербских гусарских полков и о поселении сербов на территории России²⁵, вновь заимствуя австрийский опыт охраны южных границ.

Характерно, что решение о создании ландмилиции опять принималось в период завершения податной реформы Петра, снова связанной с очередной армейской реформой, ознаменовавшейся принятием новых штатов сухопутной армии («табели») 1720 г. Численность ландмилицких частей лимитировалась условиями реформы: они, как и армейские полки, были «положены» на четырехгривенный сбор с однодворцев, подушная семигривенная подать с которых поступала на содержание 6 армейских (3-х драгунских и 3-х пехотных полков)²⁶.

Таким образом, инициатива создания ландмилиции была выдвинута во времена Петра, и уже тогда их формирование ограничивалось в основном возможностями источника их финансирования²⁷.

Однако формирование первых ландмилицких полков шло с значительными трудностями и было завершено М.М. Голицыным лишь к весне 1725 г.²⁸

Вместе с тем, они, очевидно, неплохо зарекомендовали себя, что и обусловило процесс наращивания ландмилицких формирований во второй половине 1720-х–1730-х гг.

* * *

На третьем этапе ландмилицкой реформы – в царствование Екатерины I – родилась идея привлечь все однодворческое население к ландмилицкой службе и за счет этого резко расширить контингент ландмилицких полков, переведя одновременно однодворцев целиком на их финансирование. Очевидно, уже тогда возникли проблемы в финансировании ландмилицких частей, отмеченные в 1730-е гг. и объяснявшиеся тем, что армейские офицеры, собиравшие подушную на свои полки, нередко делали это за счет «ландмилицкого» четырехгривенного сбора²⁹. Но для этого нужно было либо перевести на другие источники финансирования (что было крайне сложно, а лучше сказать почти невозможно), либо просто ликвидировать шесть полевых армейских полков, содержащихся на подушную с однодворцев.

Однако последнее прекрасно вписывалось в социальные цели курса, направленного на умеренную коррекцию петровских реформ и на облегчение податных тягот основной массы крестьянского населения. Он был наиболее четко сформулирован «верховниками» в последний год жизни Екатерины I (осенью 1726 – весной 1727 г.), отразившись в концентрированном виде в неопубликованном манифесте 9 января 1727 г.³⁰ Записка, послужившая толчком к появлению записок верховников и самого манифеста, прямо предусматривала расширение охраняемых функций приграничного населения³¹.

Поэтому вряд ли случайно в 1727 г. появился первый вариант расчета подобной «ландмилицкой» реформы. Он был сделан в Сенате 23 июня 1727 г. на основании ведомости, поданной командующим Украинским корпусом фельдмаршалом М.М. Голицыным. Согласно ему, шесть регулярных полков, содержащихся на подушную с однодворцев, планировалось заменить ландмилицкими частями. На последние в этом случае должен был идти весь

ря на трудности, ко 2 ноября 1713 г. оказалось сформировано 8 ландмилицких полков с надлежащим числом офицеров («...в помянутый лант-мелис из Киевской и Азовской губернии и из Военной канцелярии в присылке 10 520 человек, к ним штаба и обер-офицера от генерал-фельт-маршала в присылке 295 чел.»)²², но история их оказалась очень короткой: «турецкий кризис» 1713 г. с заключением июльского мира миновал, и уже 5 октября 1713 г. Б.П. Шереметев распустил полки по зимним квартирам, поскольку «...в оных полках нужды ныне не кажетца». Формально ландмилиция просуществовала еще почти год, используясь на работах по строительству Киево-Печерской крепости, но ландмилиционеры в полках, не получавших жалования с того же октября 1713, «...обнужали платьем, и обувью обносились; и за неудовольствием харча и соли, многие солдаты болзнуют, оцынжали, и многие бегут...», поэтому Сенат 17 августа 1714 г. принял решение об их роспуске: «...как они от той работы свободятца, и тех полков ... афицеров отослать в Военную канцелярию, а рядовых отпустить в дома; а которые лант-мелиса полков у той работы не будут, и тем ... жалованья не давать, и отпустить офицеров в Военный Приказ, а салдат в дома...»²³.

Так, с «турецким кризисом» 1712–1713 г., закончился первый короткий этап петровской «ландмилицкой реформы», на котором ландмилицкие полки так, очевидно, и не получили боевого крещения, оказавшись ненужными уже в момент своего реального формирования.

Второй этап в предыстории ландмилицкой реформы снова оказался связан с очередным кризисом 1722–1723 г. в рус-

сбор с однодворцев (и подушный семигривенный, и четырехгривенный оброк с них как с государственных крестьян). Это давало ощутимые выгоды: вместо содержащихся ими 12 армейских и ландмилицких полков можно было создать 31 ландмилицкий полк (21 конный и 10 пеших). Общая численность воинского контингента увеличивалась в этом случае с 14 109 до 31 640 чел., то есть в 2,24 раза при тех же расходах (поскольку затраты на конный ландмилицкий полк должны были составить 10 562 р. (против 42 410 на драгунский), на пехотный – 8557 р. 80 к. (против 35 257 на армейский)³².

Но в правление «верховников» этот вариант «ландмилицкой» реформы так и не был материализован, а между тем проблема охраны южных границ сохраняла прежнюю остроту.

Это со всей очевидностью обнаружилось в период очередного обострения «военной угрозы» со стороны Турции весной 1729 г.³³

28 января и 19 марта 1729 г. фельдмаршал М.М.Голицын доносил о невозможности прикрыть границы Украинским корпусом³⁴, растянутым по форпостам на границе, «...отчего как людям, так и лошадям происходит труд немалой...», и если «...неприятель на тамошний край войной наступит, то, за малолетством не токмо удержания, но и отпору дать нечем, ибо командированных с форпостов в корпус собрать будет невозможно...»³⁵. Сенат рекомендовал ему использовать для прикрытия границы полевые пехотные полки, но для их квартирования там не было удобных баз, к тому же они были бесполезны в степи («...опасность от приходов Крымских в Слободских полках даже до Полтавы состоит, и за таким легким неприятелем пехотою угонятся невозможно...» – писал Голицын)³⁶.

В тот момент правительство ограничилось полумерами: во-первых, М.М. Голицыну были подчинены все части на южной границе (не только Украинский корпус, но и драгуны на Царицынской линии и Черемшанских форпостах), впервые за долгое время был отдан приказ о выступлении на службу полка смоленской шляхты³⁷; во-вторых, вероятно именно после этого и было принято в 1729 г. паллиативное решение об увеличении ландмилиции до 10-ти³⁸ или (по сведениям Миниха, представленным во время работы Военской комиссии по сухопутной армии) – до 11-ти полков³⁹. Это число еще можно было содержать на четырехгривенном сборе с однодворцев, составлявшем по ведомости М.М. Голицына 1727 г. 125 192 р.⁴⁰ Однако за несколько месяцев, оставшихся до смерти Петра II, это решение физически не могло быть выполнено – в итоге к началу царствования Анны Иоанновны был создан всего один новый ландмилицкий полк и еще на два набраны люди. После того, как в августе 1730 г. было принято решение о формировании нового гвардейского Измайловского полка, последние были употреблены на его комплектование⁴¹.

Таким образом, к началу аннинского царствования проблема обороны южных границ так и не была решена, а отвлекавшиеся для этого армейские полки несли значительный урон.

По сведениям, полученным Сенатом к концу 1730 г., 10 полков, расположенных на Царицынской линии и Черемшанских форпостах, потеряли за предшествующие 4,5 года треть людей и почти две трети лошадей (4179 чел. (34,4%) табельного состава и 6696 лошадей (63,6%))⁴².

* * *

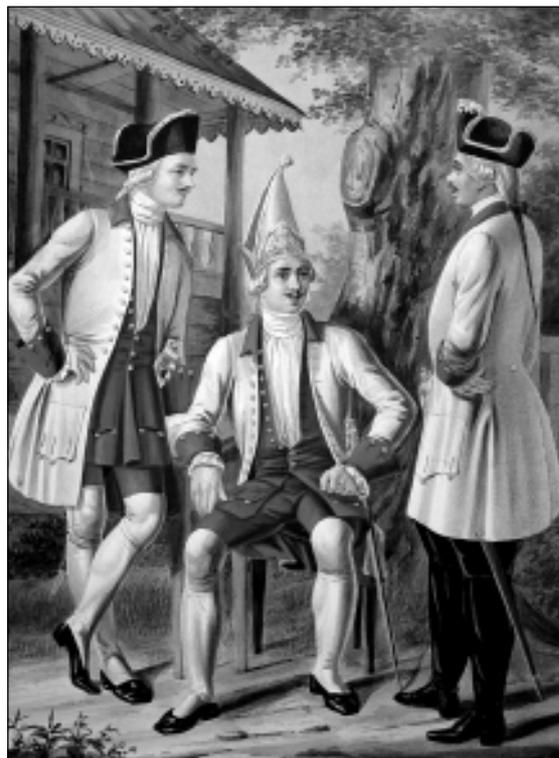
Все это обусловило возвращение к идеям ландмилицкой реформы в царствование Анны Иоанновны – собственно говоря, на него пришелся ее завершающий этап.

Четвертый этап в формировании ландмилиции пришелся на начало царствования – на конец 1730–1731 гг.

На этом этапе «ландмилицкая реформа 1730-х гг.» фактически прямо реализовала прежние идеи верховников, высказанные еще в 1727 г. – она предусматривала передачу всего подушного сбора с однодворцев на содержание резко увеличивавшейся ландмилиции и ликвидацию в связи с этим шести армейских полков, что должно было существенно сократить рекрутскую повинность с крестьянского населения. Сохранившийся в делах Сената проект расширения ландмилиции (к сожалению, не датированный и не подписанный), акцентировал внимание именно на этом⁴³. Он впервые вывел «ландмилицкую» проблему за пределы Украины: с теми же целями планировалось вовлечь в ландмилицкую службу прежних служилых людей даже внутренних губерний России и создать по меньшей мере два полка ландмилиции в Казанской губернии⁴⁴.

Таким образом, проект прекрасно вписывался в общее русло внутривосточного курса 1730–1732 гг., оформившегося на волне шляхетского движения за ограничение самодержавия и ставшего логическим продолжением курса «верховников» на умеренную коррекцию петровских реформ (фактически – вторым этапом единого внутривосточного курса 1726–1732 гг.)⁴⁵.

Уже поэтому идеи аннинской ландмилицкой реформы вряд ли были связаны с Минихом, тем более, что: 1) ни один из подготовительных документов не носит следов его авторства; 2) они прямо развивают планы, выдвинутые еще в правление «верховников»; 3) дальнейшая разработка черновых вариантов материалов «ландмилицкой реформы» велась в Сенате без участия Миниха (но зато при участии сенатского секретаря И.К. Кириллова⁴⁶) и в конце концов материализовалась в сенатском докладе 6 декабря 1730 г.⁴⁷; 4) следовательно, сам проект появился еще до начала декабря 1730 г., а в это время Миних находился в Петербурге и еще не занимал ключевых постов в

Офицеры ландмилиции. 1736–1742 гг.

армейской иерархии (Военной коллегией и Воинской комиссией в тот момент руководил М.М. Голицын; даже генерал-фельдцейхмейстером (по должности отвечающим за пограничные крепости) Миних стал только 19 февраля 1731 г.⁴⁸).

Сенатский доклад 6 декабря 1730 г. послужил базой для указа 15 января 1731 г.⁴⁹, объединившего планы расширения ландмилиции со строительством новых укрепленных пограничных линий.

* * *

Длительное время (фактически с 1690-х гг.) строительство пограничных укрепленных линий в России не велось. Как указывает Ю.Н. Смирнов, в начале царствования Петра I оно было заменено постройкой мощных регулярных пограничных крепостей по западному образцу. Отход от этой политики наметился только в 1718–1725 г. со строительством после набега 1718 г. Царицынской линии, прикрывавшей коридор по правобережью Волги между Царицыном и левым флангом Изюмской черты и донскими городками. Новая линия укреплений состояла из 4 крепостей и 7 редут, соединенных непрерывным валом и рвом, протянувшимися от Царицына до Паншина на Дону на расстояние 54,2 км⁵⁰. Вероятно, именно ситуация на Царицынской линии, уже требовавшей ремонтных работ (план их активно обсуждался весной – летом 1729 г.⁵¹), а также описание линии форпостов и застав, охраняемых Украинским корпусом, предпринятое в 1729 г. Вейсбахом по распоряжению генерал-фельдмаршала М.М. Голицына⁵², подготовили новый виток строительства укрепленных линий в начале 1730-х гг.

В основе их лежал проект, поданный в Сенат в 1730 г. почти одновременно с проектом о расширении ландмилиции. Он, вероятнее всего, тоже вряд ли принадлежал Миниху и предусматривал одновременное строительство всех трех пограничных линий – Украинской, Ново-Закамской и реконструированной Царицынской⁵³. Не исключено, что он лишь объединил отдельные идеи строительства отдельных линий, уже существовавшие ранее и вызревавшие по крайней мере уже в 1729–1730 гг. (так как к концу 1730 г. Сенат уже имел план Украинской линии, составленный посланным для этого специальным указом генерал-майором Андреем Дебриным, впоследствии как раз и руководившим технической стороной строительства⁵⁴). Таким образом, к началу 1730-х гг. они слились в целостную программу укрепления южных рубежей. Как уже отмечалось нами, как в самой их идее, так и в методах обеспечения их охраны несомненно отразилось влияние опыта использования прежних засечных черт по южным пограничьям с Диким полем⁵⁵.

Но при их проектировании активно использовался иностранный инженерный опыт создания «регулярных» укреплений, и конкретные планы строительства линий сочетали традиционную идею с новым инженерным воплощением, в значительной степени основанным на европейских образцах.

На стадии обсуждения проекта в Сенате он был тесно увязан с идеей расширения ландмилиции. Ее полки предполагалось расселить по вновь строящимся линиям (за исключением Царицынской, на которой планировалось поселить казаков).

Проект расширения ландмилиции, сенатский доклад 6 декабря 1730 г. и долго готовившийся текст указа 15 января 1731 г., насчитывающий несколько черновых редакций⁵⁶, дают наглядное представление о мотивах расширения контингента ландмилицких частей.

* * *

Во-первых, как уже отмечалось, они демонстрируют явную преемственность с политикой Верховного Тайного совета, ибо конечные планы расширения ландмилиции, отразившиеся в двух последних документах, фактически лишь реализовали намерения, уже существовавшие в правление верховников.

Правда, количество ландмилицких полков увеличивалось не до 31 (как планировали вначале верховники): вдвое (до 20) увеличивалось число полков украинской ландмилиции, а в 1731 г. было начато создание трех конных и одного пешего полка для поселения на Ново-Закамской линии⁵⁷. В результате общее количество ландмилицких полков дошло до 24 и затем уже не менялось.

¹ Пенской В.В. Украинский ландмилицейский корпус в XVIII веке // Вопросы истории. 2000. № 10. С. 147–153.

² Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота. СПб., 2001. Гл. 2. С. 120–131.

³ Подсчитано по ведомости о численном составе и состоянии армии на конец 1730-х – начало 1740-х гг. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 1182. Л. 1168. – Подробнее о ней: Петрухинцев Н.Н. Указ. соч. С. 205).

⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 743. Л. 249–249 об.

⁵ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 248. Кн. 1182. Л. 1169–1169 об.

⁶ Соединение полевой регулярной армии, созданное специально для действий в присоединенных персидских провинциях в ходе Персидского похода Петра I. До 1734 г. включало 17 пехотных полков, не положенных на подушную, а также кавалерийские полки, командированные из армии (поэтому их содержание не включалось в бюджет корпуса).

⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 743. Л. 80 об.

⁸ Там же. Л. 43–44.

⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 392. Л. 858 об.

¹⁰ Баиов А.К. Русская армия в царствование Анны Иоанновны: Война России с Турцией в 1736–1739 гг. Т. 1. СПб., 1906. С. 17.

¹¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 450. Л. 77.

¹² Там же. Л. 77–85.

¹³ Доклады и приговоры Правительствующего сената, состоявшиеся в царствование Петра Великого. Т. 3. Кн. I. СПб., 1887. С. 433. (далее – ДПС.)

¹⁴ Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994. С. 362.

¹⁵ Милоков П.Н. Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. СПб., 1892. С. 399.

¹⁶ ДПС. Т. 3. Кн. 1. С. 70–71.

¹⁷ ПСЗ-I. Т. V. № 2643.

¹⁸ Построена по: ДПС. Т. 3. Кн. 1. С. 260–261.

¹⁹ Там же. С. 260–262.

- ²⁰ Там же. С. 302–303.
- ²¹ Там же. С. 260–262.
- ²² ДПС. Т. 4. Кн. 1. С. 737–738.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958. С. 60; Баиов А.К. Указ. соч. С. 174; Пенской В.В. Указ. соч. С. 148.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1097. Л. 508–510.
- ²⁶ Там же. Кн. 743. Л. 50.
- ²⁷ Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Л., 1982. С. 178.
- ²⁸ Пенской В.В. Указ. соч. С. 148–149.
- ²⁹ Петрухинцев Н.Н. Указ. соч. С. 125–127.
- ³⁰ Подробнее см.: там же. С. 71–72.
- ³¹ Там же. С. 121.
- ³² РГАДА. Ф. 248. Кн. 743. Л. 50–51 об.
- ³³ Некрасов Г.А. Роль России в европейской международной политике. 1725–1739 гг. М., 1976. С. 79.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 743. Л. 80–84.
- ³⁵ Там же. Л. 82 об.
- ³⁶ Там же. Л. 83.
- ³⁷ Там же. Л. 83–84 об.
- ³⁸ Баиов А.К. Указ. соч. С. 17.
- ³⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 392. Л. 972.
- ⁴⁰ Там же. Кн. 743. Л. 50.
- ⁴¹ Там же. Кн. 386. Л. 153; Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 60.
- ⁴² Подсчитано по: РГАДА. Ф. 248. Кн. 743. Л. 43–44 и данным о числе людей и лошадей по табели 1720 г. в драгунских полках.
- ⁴³ Подробнее см.: Петрухинцев Н.Н. Указ. соч. С. 122–123.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Подробнее см.: там же. Гл. 1; Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: проблемы формирования внутривполитического курса 1730–1740. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2001. С. 17–18.
- ⁴⁶ Черновые редакции и подготовительные материалы – РГАДА. Ф. 248. Кн. 743.
- ⁴⁷ Там же. Л. 21–25. Копия.
- ⁴⁸ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривполитического курса и судьбы армии и флота. С. 57.
- ⁴⁹ ПСЗ-1. Т. VIII. № 5675.
- ⁵⁰ Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII в. Самара. 1997. С. 20; Лавринова Т.И. Царицынская линия: история строительства в 1718–1720-х гг. и первые годы существования. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1990. С. 15–18.
- ⁵¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 743. Л. 86–88.
- ⁵² Там же. Л. 80 об.
- ⁵³ Подробнее см.: Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривполитического курса и судьбы армии и флота. С. 128–129.
- ⁵⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 743. Л. 101 об., 111–112, 120–122.
- ⁵⁵ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривполитического курса и судьбы армии и флота. С. 128.
- ⁵⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 743. Л. 198–206, 216–217, 220–224.
- ⁵⁷ Баиов А.К. Указ. соч. С. 17.